

УДК 81

ББК 81

X18

Е. А. Хамаева
Т. Е. Шишмарева
Е. В. Кремнёв
Иркутск, Россия

ТРАНСЛИНГВОГРАФИЧЕСКИЙ ПЕРЕВОД КАК СПОСОБ ЭКСПЕРТНОГО ПЕРЕВОДА

(НА МАТЕРИАЛЕ ПЕРЕВОДОВ «ШАНЬ ХАЙ ЦЗИН» И «ЭРЬЯ») ¹

В статье на примере переводов трактата «Шань хай цзин» и первого древнекитайского словаря «Эрья» обосновывается транслинговографический перевод как способ экспертного перевода текстов на языке с идеографическим типом письма, обеспечивающий информативность и аутентичность текста оригинала в тексте перевода.

Ключевые слова: транслинговографический перевод, трактат «Шань хай цзин», словарь «Эрья», идеографическое письмо.

Е. А. Khamaeva
Т. Е. Shishmareva
Е. V. Kremnyov
Irkutsk, Russia

TRANSLINGUOGRAPHIC TRANSLATION AS A METHOD OF THE EX- PERT TRANSLATION

(basing on the translations of "Shan Hai Jing" and "Erya")

¹ Исследование осуществлено при финансовой поддержке РГНФ, проект «Китайский словарь "Эрья" в идеографическом и этнокультурном аспектах» № 15-04-00535.

The article substantiates translanguographic translation as a method used in the expert translation of texts in the language written with ideographic writing system. The examples from the translations of the treatise "Shan Hai Jing" and the first ancient Chinese Dictionary "Erya" prove that translanguographic translation provides information content and authenticity of the original text in the translated text.

Keywords: translanguographic translation; treatise "Shan Hai Jing"; Dictionary "Erya"; ideographic writing.

Вопрос о возможности «перевода непереводаемого» поднимался многими философами языка. Ко всем тем лексическим и грамматическим трудностям, с которыми сталкиваются переводчики европейских языков в ходе своей работы – в переводе на китайский и с китайского языка возникает еще одна существенная сложность. Эта сложность обусловлена типом письменности китайского языка – иероглифами, которые «являясь большей частью идеографическими, ...своеобразно «рисуют» мир, создавая тем самым еще одну «картину мира», отличную от иных» [Готлиб, 2007, с. 93].

К основным проблемам такого перевода, как правило, относят наличие определенного числа сходных по написанию иероглифов, неразличимость написания имен собственных и имен нарицательных в иероглифическом тексте, и т. д. [Щичко, 2007, с. 40]. Автор приводит пример с образными сравнениями на основе иероглифов, которые «переводить труднее, им не всегда удается найти полностью адекватный эквивалент» [Щичко, 2007, с. 38]. Китайское предложение «三个人品字式坐了，随便谈了几句» предлагается перевести вариантом «Трое человек уселись друг против друга и слегка поболтали, а не «трое уселись в форме иероглифа 品 и сказали друг другу несколько фраз», так как «образное значение 品 может быть передано только описательно» [Щичко, 2007, с. 38].

Таким образом, в ходе перевода встает вопрос не просто транскодирования языкового содержания оригинала (о котором говорят существующие определения перевода), но и проблема транскодирования «письменности» – и того дополнительного содержания, которое передает каждый отдельный знак идеографического письма. Другими словами, перевод на китайский и с китайского языка сопряжен с переводом письменных знаков из одной семиотической системы в другую, даже несмотря на то, что все эти знаки являются языковыми.

Круг этих проблем можно проиллюстрировать на примере перевода китайского классического текста «Каталог гор и морей».

«Каталог гор и морей» – анонимный памятник, сложный по своему составу и содержанию, – представляет собой свод, по существу, самостоятельных «сочинений», основанных, в свою очередь, на длительной традиции, включавшей разновременные пласты положительных знаний, мифологии, верований [Яншина, 1977, с. 3].

Каталог гор и морей переведен на русский и ряд других европейских языков. Перевод на русский язык выполнен Э. М. Яншиной и издан Институтом Востоковедения Академии наук СССР в 1977 г. Книга сопровождается предисловием и комментарием. В предисловии автор поясняет те или иные переводческие решения, перечисляет проблемы, возникшие в ходе работы, комментирует вопросы установления авторства, время создания канона и т. д.

Данная работа стала классической в отечественной синологии и вызывает большой интерес с точки зрения теории перевода, т. к. иллюстрирует, вскрывает многие проблемы. Особенно показателен прецедент того, как автор решает проблему поиска русских эквивалентов «для передачи названий», которая без преувеличения признается «труднейшей задачей перевода». В комментарии по этому поводу говорится, что «решить ее удалось далеко не во всех случаях по многим причинам» [Яншина, 1977, с. 26].

Рассмотрим отрывок переводного текста.

«В четвертой книге «[Каталога] Центральных [гор]» первой вершиной гор Ли50 названа гора Оленье копыто⁵¹. На ее вершине много нефрита, у ее под-

ножия – золота. Здесь начинается река Сладкая⁵², течет на север и впадает в Ло, в ней в избытке камня си.

Еще в пятидесяти ли к западу гора называется Фучжу⁹. На ней всюду камень жу. [В тех местах] есть животное, похожее на енота, но с человеческими глазами. Называют его инь. Оттуда берет начало река Го⁵³, течет на север и впадает в Ло. В ней много камня жу» [Яншина, 1977].

В небольшом фрагменте встречается несколько «эквивалентов» – не только имен собственных (пишутся с заглавной буквы), но и имен нарицательных – названий камней, животных и пр., которые на протяжении нескольких предложений переведены различными способами – часть с помощью семантического перевода, калькирования (гора Оленье копыто, река Сладкая), другая часть – с помощью транскрибирования (горы Ли, река Ло, камень си, гора Фучжу, камень жу, животное инь, река Го). Многие варианты сопровождаются цифрой, которая означает номер комментария к данному слову в конце книги. К слову, комментарий по объему превосходит основное содержание канона.

В комментарии к переводу Э. М. Яншина поясняет решение использовать транскрипцию тем, что «некоторые знаки утратили свое значение, и восстановить их не представляется возможным. Кроме того, имели место искажения при записи и переписывании памятника, на что неоднократно указывали комментаторы и что подтверждает сравнение текста с сохранившимися в других источниках фрагментами из него. Может быть, по этой причине, а также потому, что в основе многих названий лежала их звукозапись, они не поддаются переводу. Дело усложняется еще и тем, что именно звуковые ассоциации были, как показывают комментарии, в основе многих «исправлений» и искажений. Надежность перевода названий снижается также тем, что в древнекитайской письменности детерминативы еще не были закреплены за иероглифом и возможные семантические рамки отдельных знаков за этот счет очень расширены. Все это, вместе взятое, явилось причиной того, что наряду с переводами мы вынуждены были дать многие названия в транслитерации. Транслитерация дается в скобках в комментариях вслед за переводом. Учитывая отсутствие надежной рекон-

струкции фонетики древнекитайского языка, а также его диалектную пестроту, восстановить древние чтения не представляется возможным и все названия даются в современном звучании» [Яншина, 1977, с. 26].

Получается, что в поиске эквивалента предпочтительным являлся семантический перевод (гора Оленье копыто), фонетический же использовался «вынужденно», «в современном звучании».

Несмотря на логичный, справедливый, в какой-то степени традиционный алгоритм действий переводчика – осуществление перевода, суть которого часто понимается, как «передача информации, содержащейся в данном произведении речи, средствами другого языка» [Нелюбин, 2003, с. 138], что влечет за собой использование транскрипции в переводе. Тем не менее, воспринимая такой текст, не оставляет ощущение того, что в процессе перевода была утеряна та ключевая составляющая, которая и образует сущность китайской культуры, как культуры «выраженной в письменном знаке» [Торчинов, 2007, с. 32]. И если «в современном европейском этносознании графическая оболочка языка срослась с фонетической, образуя некий единый план выражения, «единый зрительно-слуховой комплекс» [Степанов, Проскурин, 1993, с. 72], то для носителей китайской культуры таким единым зрительно-слуховым комплексом станет трехсторонняя сущность – совокупность значения, фонетической оболочки и, самое главное, идеографического знака. К сожалению, этот идеографический знак в ходе передачи на европейские языки теряется.

В результате, встает вопрос о том, во всех ли случаях «средства иностранного языка» могут должным образом донести до получателя перевода заложенную в оригинал информацию? Во всех ли случаях прагматическая цель перевода достигается путем использования «средств второго языка» в ситуации перевода?

В переводе «Шань хай цзина» на английский язык, который выполнил Р. И. Страссберг, используется следующий способ: название неизвестного мифического существа сначала дается на английском в транскрипционном/смешанном переводе (changfu bird), далее следует иероглифический знак и китайская тран-

скрипция пиньинь [Strassberg, 2002]. Такой «способ перевода» представляется более функциональным, т. к., как уже упоминалось, каждый отдельный знак идеографической письменности, и его составные элементы – морфограммы, несут собственную семантику и в определенной степени информативны для получателей перевода.

Вопрос о возможности использования транскрипции в переводе древнекитайских топонимов на английский язык поднимает James R. Hargett в статье « 稽: Guaiji? Guiji? Huiji? Kuaiji? Some Remarks on an Ancient Chinese Place-Name» [Hargett, 2013]. Само заглавие статьи ставит вопрос о том, стоит ли использовать транскрипцию в переводе древних названий местности, т. к. такой перевод априори сопряжен с элементом условности, спекуляции – условности в системе транскрипционной записи китайских звуков на английском языке, условности в установлении точного звучания древнекитайских слов, условности в выборе определенной транскрипции среди ряда предлагаемых в различных комментариях и т. д. и т. п. Следует оговорить, что в своей статье Д. Р. Харгетт все транскрипции сопровождает иероглифическими знаками.

Помимо вышеизложенных трудностей, вероятно, существенным также считается вопрос сохранения аутентичности текста оригинала в тексте перевода. Как в случае, например, с переводом словаря «Эръя», появление которого в законченном виде относится приблизительно к I веку до н.э., а процесс подготовки — к V–III векам до н.э., является идеографическим, тезаурусным словарем. Учитывая, что это идеографический словарь, основная задача которого пояснить значение древнего/диалектного либо менее известного знака, через другой общеупотребительный и/или эталонный знак, необходимо и в тексте перевода эти знаки каким-то образом сохранить.

В отечественной синологии проблема поиска эквивалента при переводе древнекитайских текстов решалась в основном за счет использования формальных и содержательных трансформаций. Попробуем представить, как может выглядеть перевод в традиции и не в традиции.

Перевод в традиции:

«Эръя ши гу» (尔雅·釋詁): 林、烝、天、帝、皇、王、后、辟、公、侯, 君也。

Формальный: *линь, чжэн, тянь, ди, хуан, ван, хоу, би, гун, хоу* – это названия правителей.

Содержательный: *удельный князь, правитель, обращение к самому высшему чину на иерархической лестнице, к коронованной особе, великий государь, государь (более позднее, чем князь-ван), князь-ван, прежние [идеальные государи], титул правителя (эпоха Чжоу), правитель (эпоха Весны Осени)* – все это именованья правителей.

«Эръя ши цинь» (尔雅·釋親): 父之考為王父, 父之妣為王母。王父之考為曾祖王父, 王父之妣為曾祖王母。曾祖王父之考為高祖王父, 曾祖王父之妣為高祖王母。

Формальный: *Деда называли Ван фу, бабу – Ван му, прадеда – Цзэн цзу ван фу, прабабу – Цзэн цзу ван му, прапрадеда – Гао цзу ван фу, прапрабабу – Гао цзу ван му.*

Содержательный: *Деда называли дед, бабу – бабка, прадеда – прадед, прабабу – прабабка, прапрадеда – прапрадед, прапрабабу – прапрабабка.*

«Эръя ши гун» (尔雅·釋宮): 牖戶之間謂之辰。

Формальный: *Место между дверьми и окнами называют и.*

Содержательный: *Место между дверьми и окнами называют экран.*

Перевод не в традиции:

«Эръя ши гу» (尔雅·釋詁): 林、烝、天、帝、皇、王、后、辟、公、侯, 君也。 [林 – удельный князь, 烝 – правитель, 天 – к самому высшему чину на

иерархической лестнице, 帝 – к коронованной особе, 皇 – великий государь, 帝 – государь (более позднее, чем князь-ван), 王 – князь-ван, 後 – прежние [идеальные государи], 闕 – удельный князь, 侯 – титул правителя (эпоха Чжоу), 公 – правитель (эпоха Весны Осени) .

«Эръя ши цинь» (尔雅·釋親): 父之考為王父, 父之妣為王母。王父之考為曾祖王父, 王父之妣為曾祖王母。曾祖王父之考為高祖王父, 曾祖王父之妣為高祖王母。

Деда называли 王父, бабу – 王母, прадеда – 曾祖王父, прабабу – 曾祖王母, прапрадеда – 高祖王父, прапрабабу – 高祖王母.

«Эръя ши гун» (尔雅·釋親): 牖戶之間謂之辰。

Место между дверьми и окнами называют 辰.

С учетом того, что целевая аудитория такого текста перевода – специалисты, как правило, знающие китайский язык, то получается, во-первых, транскрипционный перевод и содержательный являются не совсем информативными для людей, которым иероглифический знак может «что-то сказать», а иногда и тавтологическим (как при пояснении терминов родства). Во-вторых, при использовании такого перевода в какой-то мере сохраняется аутентичность текста и репрезентативность формата «Эръя», как словаря. В-третьих, снимается вопрос реконструкции фонетики древнекитайских слов.

Несмотря на убедительность аргументов, тем не менее, возникает вопрос о возможности признания такого способа перевода – «переводом». И если «да», то каким.

С точки зрения лингвистической теории перевода – такое явление не совсем есть «перевод» в традиционном его понимании, как «передача информации, со-

держась в данном произведении речи, средствами другого языка» [Нелюбин, 2003, с. 138]. Однако такой подход вполне поддается объяснению в рамках когнитивной теории перевода.

Г. Д. Воскобойник полагает, что это «весьма распространенные в современных переводных текстах» явления – ..., которые можно в первом приближении охарактеризовать как отказ от перевода» [Воскобойник, 2007, с. 176]. Это можно объяснить тем, что «если можно не переводить термины ИЯ, опираясь на совместный с адресатом контекст интерпретации, итоговый текст, очевидно, будет полноценным актом коммуникации» [Воскобойник, 2007, с. 176]. Совместный с адресатом контекст интерпретации, в свою очередь, возможен в случае, если «интерпретатор, ищет встречи с адресатом, обладающим адекватным контекстом интерпретации». Иначе говоря, «сознание переводчика интендирует на родственное сознание интерпретатора, готовое к коммуникации на предложенных условиях» [Воскобойник, 2007, с. 179].

В случае перехода китайских иероглифов в текст на русском языке происходит такая коммуникация (такой перевод), при которой каждый отдельный идеографический знак признается своеобразным «термином», исключая семантические, фонетические, идеографические и прочие разночтения. Ведь, как известно, «термин должен быть однозначным, то есть не должен иметь большого количества синонимов (в пределах определенного экспертного сообщества), точным и кратким, и с точки зрения стилистики, ...нейтральным» [Тюрнева, 2012, с. 223].

Такой «идеографический» термин будет успешно интерпретирован при условии функционирования в среде, так называемых, «членов экспертного сообщества», которые, в свою очередь, способны разделить «дискурс экспертного сообщества».

По словам Т. В. Тюрневой, в рамках экспертного сообщества термин – это орудие профессионального мышления, поэтому представители экспертных сообществ заинтересованы в том, чтобы значение термина было четким и единственным [Тюрнева, 2012, с. 224], чего сложно достичь путем транскрибирования

ния русскими буквами китайских знаков (даже при условии наличия комментария перевода). Если «члены дискурсивного сообщества имеют достаточно высокий общий уровень осведомленности в определенной сфере общения, обладают знаниями специальной терминологии, жанровой организации информации» [Карымшакова, 2015, с. 25], то такой «*транслинговографический*» перевод становится возможным.

В режиме такого *транслинговографического* перевода одновременно достигается несколько целей коммуникации – он достаточно информативен для специалистов, так называемых членов экспертного сообщества, позволяет сохранить в какой-то степени аутентичность текста оригинала в тексте перевода. При этом не происходит спекулятивного использования транскрипции древнекитайских слов, верифицировать которые на сегодняшний день не представляется возможным по многим причинам.

Вместе с тем, если текст перевода направлен на более широкого читателя, нежели экспертное сообщество, то в этом случае вполне успешным, информативным и читабельным станет совмещение различных способов перевода. При этом может сохраняться как идеографичность оригинального текста, так и реконструированное переложение фонетической оболочки знака для читателей, незнакомых с идеографическим письмом, но желающих воспринимать текст целостно, без фонетических преград при его прочтении.

Библиографический список:

1. *Воскобойник Г. Д., Ефимова Н. Н.* Общая когнитивная теория перевода: курс лекций. Иркутск: ИГЛУ, 2007. 252 с.
2. *Готлиб О. М.* Основы грамматики китайской письменности. М.: АСТ: Восток–Запад, 2007. 284 с.
3. *Карымшакова Т. Г.* Лингвистические технологии речевого воздействия в медицинском дискурсе: дисс... канд. филол. наук. Улан-Удэ, 2015.
4. Каталог гор и морей (Шань хай цзин). Предисловие, перевод и комментарий Э. М. Яншиной. М.: «Наука. Главная редакция восточной литературы», 1977. 236 с.

5. *Нелюбин Л. Л.* Толковый переводческий словарь. 3-е изд., перераб. – М.: Флинта: Наука, 2003. 320 с.
6. *Степанов Ю. С. Проскурин С. Г.* Константы мировой культуры. Алфавиты и алфавитные системы в период двоеверия. М.: Наука, 1993. 158 с.
7. *Торчинов Е. А.* Пути философии Востока и Запада: познание запредельного. СПб.: «Азбука-классика», «Петербургское Востоковедение», 2007. 329 с.
8. *Тюрнева Т. В.* К проблеме различения семиотических сущностей в контексте определенных дискурсивных практик // Наука и современность. Филологические науки. М.: 2012.
9. *Шимарева Т. Е.* Опыт реконструкции языковой картины мира на основе древнего лексикографического источника: дис. ...канд. филол. наук: 10.02.19. Иркутск, 2008. 343 с.
10. *Щичко В. Ф.* Китайский язык. Теория и практика перевода: учебное пособие. 2-е изд. М.: АСТ: Восток-Запад, 2007. 223 с.
11. A Chinese Bestiary. Strange Creatures from the Guideways through Mountains and Seas. Edited and Translated with Commentary by Richard A. Strassberg. Berkeley, Los Angeles, London: University of California Press, 2002. 314 p.
12. Hargett James R. «會稽: Guaiji? Guiji? Huiji? Kuaiji? Some Remarks on an Ancient Chinese Place-Name» // Sino-Platonic Papers. (March 2013).

References

1. A Chinese Bestiary. Strange Creatures from the Guideways through Mountains and Seas. Edited and Translated with Commentary by Richard A. Strassberg. Berkeley, Los Angeles, London: University of California Press, 2002. 314 p. (In English).
2. Hargett James R. «會稽: Guaiji? Guiji? Huiji? Kuaiji? Some Remarks on an Ancient Chinese Place-Name» // Sino-Platonic Papers. (March 2013). (In English).
3. Voskoboynik G. D., Efimova N. N. General cognitive theory of translation. Irkutsk: ISLU, 2007. 252 p. (In Russian).
4. Gotlib, O. M. Fundamentals of grammatology of Chinese writing. М.: AST: Vostok-Zapad, 2007. 284 p. (In Russian).
5. Karymshakova T.G. Linguistic technologies of speech influence in the medical discourse: Dissertation of candidate of Philology. Ulan-Ude, 2015. (In Russian).
6. Classic of Mountains and Seas (Shan Hai Jing). Introduction, translation and commentary by E.M. Yanshin. М.: "Nauka. Home Edition Oriental Literature ", 1977. 236 p. (In Russian).
7. Nelyubin L.L. Explanatory translation dictionary. 3rd ed., rev. - М.: Flint: Nauka, 2003. 320 p. (In Russian).

8. Stepanov Y.S., Proskurin S.G. Constants of world culture. Alphabets and alphabetic systems in the Period of Dual Faith. M.: Nauka, 1993. 158 p. (In Russian).
9. Topchinov E.A. Paths of Philosophy of East and West: The knowledge of the Beyond. SPb.: "Azbuka-klassika", "Petersburg Oriental Studies", 2007. 329 p. (In Russian).
10. Tyurneva T.V. On the problem of distinguishing semiotic entities in the context of certain discursive practices // Science and modernity. Philology. M.: 2012. (In Russian).
11. Shishmareva T.E. Experience of Reconstruction of a language picture of the world based on the ancient lexicographical source: Dissertation of candidate of Philology. Irkutsk, 2008. 343 p. (In Russian).
12. Schichko V.F. Chinese language. Theory and Practice of Translation. 2nd ed. M.: AST: Vostok-Zapad, 2007. 223 p. (In Russian).